

Научная статья / Original research article

УДК 314.15;332.14

DOI: <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-40-59>

EDN: BNRXEG

Демографическое пространство региона: управленческий подход к анализу и регулированию (на материалах Омской области)

А. М. Киселева, О. В. Гокова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Российская Федерация
**gokovaov@omsu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается демографическое пространство Омской области как сложная и многослойная система, на которую влияют различные социальные, институциональные и управленческие факторы. В последнее десятилетие регион сталкивается с рядом демографических проблем, таких как снижение численности, миграционный отток и старение населения, что актуализирует задачи повышения эффективности регионального управления демографическими процессами. Основная цель исследования — выявление причин и последствий изменения демографического пространства Омской области, а также обоснование управленческих механизмов его стабилизации и развития. В задачи входит анализ текущих демографических тенденций, оценка миграционных потоков, изучение условий жизнедеятельности населения и оценка результативности управленческих воздействий на демографические процессы. Методами исследования выступают статистический анализ данных, собранных из официальных источников, таких как Росстат и региональные статистические службы. Исследование охватывает период с 2010 по 2023 гг., что позволяет выявить долгосрочные тенденции и закономерности. Выборка включает данные о численности населения, миграционных потоках, рождаемости и смертности, а также социально-экономических показателях — уровне доходов, занятости и доступности медицинских услуг. Результаты исследования показывают, что ключевыми факторами, воздействующими на демографическое пространство региона, являются экономическая нестабильность, недостаточная поддержка семей с детьми и ограниченные возможности для трудоустройства молодежи, что требует совершенствования инструментов стратегического и программного управления. Миграционные процессы играют решающую роль в изменении демографической структуры Омской области, что подчеркивает необходимость разработки целевых программ по привлечению и удержанию населения. В выводах статьи особо отмечается важность комплексного подхода к управлению демографическими процессами — координацией деятельности органов власти, развитием межведомственного взаимодействия и внедрением механизмов мониторинга демографической политики.

Ключевые слова: демографическое пространство, Омская область, региональное управление, демографическая политика, управленческие механизмы, устойчивое развитие

Для цитирования: Киселева, А. М. Демографическое пространство региона: управленческий подход к анализу и регулированию (на материалах Омской области) / А. М. Киселева, О. В. Гокова. — <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-40-59> // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2026. — № 1. — С. 40–59. — EDN: BNRXEG

Governing demographic space: an analytical framework based on evidence from the Omsk region

Albina M. Kiseleva, Olga V. Gokova*

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

**gokovaov@omsu.ru*

© А. М. Киселева, О. В. Гокова, 2026

Abstract. This article examines the demographic space of the Omsk region as a complex system influenced by various social, institutional, and managerial factors. In the last decade, the region faces a number of demographic problems, such as population decline, migration outflow, and population aging. These challenges highlight the need to increase the importance of effective regional management of demographic processes. This article aims to identify the causes and consequences of changes in the demographic space of the Omsk region and to justify management mechanisms for its stabilization and development. The objectives include the analysis of demographic trends, migration flows, living conditions of the population, and the effectiveness of management measures. The authors of this article use statistical analysis method of data from official sources, such as Rosstat and regional statistical services. The study covers the period from 2010 to 2023. The data includes population size, migration flows, birth and death rates, and socio-economic indicators such as income, employment, and access to healthcare. The results show that economic instability, limited support for families with children, and restricted job opportunities for young people are key factors influencing the demographic situation in the region. Migration processes also play a critical role in changing demographic structure of the Omsk region. These results highlight the need to develop targeted programs aimed at attracting and retaining the population. The study concludes that effective management of demographic processes requires a comprehensive approach, including coordination between government institutions, interdepartmental cooperation, and monitoring of demographic policy.

Keywords: demographic space, Omsk region, regional governance, demographic policy, governance mechanisms, sustainable development

For citation: Kiseleva, A. M., Gokova, O. V. Governing demographic space: an analytical framework based on evidence from the Omsk region. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (1), pp. 40-59. (In Russ.). <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-40-59>.

Введение

Для органов власти в рамках общего ракурса внимания к вопросам обеспечения качества жизни и его влияния на качество управляемости территории и результативность региональной политики системообразующим является социальное пространство региона. Оно формирует «пространственное устройство социальной жизни» в рамках регионального измерения и взаимодействия всех акторов по всем проблемам социального порядка [1].

Измеримость социального пространства региона соотносится со структурой сложной территориальной системы, в которой индивид ведет себя определенным образом, общается и контактирует с другими представителями сообщества, органами власти, субъектами социально-экономической инфраструктуры, и которую он определенным образом пользуется и воспринимает.

Но в то же время органам власти следует обращать отдельное внимание на общество как самопроизводящуюся субъектную основу территории региона. На практике это означает предметный разговор о поведенческих установках, направленных на статику и динамику воспроизводства и расселения населения, выявление осознанности его жизненных позиций, обусловленных собственным интересом и ценностями. В этом контексте особую значимость приобретает способность региональных органов власти выстраивать эффективные управленческие модели, учитывающие поведенческие уста-

новки населения и обеспечивающие согласование интересов ключевых субъектов демографического пространства.

Отсюда следует необходимость выделения особой формы социального пространства, отвечающей за активную/пассивную жизнедеятельность и жизнеспособность регионального сообщества к реализации своих демографических установок, которой становится демографическое пространство. Это позволит сгруппировать связанные с демографическими процессами субъектно-объектные элементы с целью выделения и структурирования характерных этим процессам взаимосвязей и взаимодействий, формализовать практики и меры воздействия, реализуемые в демографической политике органов власти.

Литературный обзор

Тема управления демографическим пространством представляет собой сложный и многогранный объект исследования, который охватывает различные аспекты социально-экономического, миграционного и экологического развития. В этом обзоре анализируются подходы различных авторов к изучению демографических процессов, включая миграционные потоки, социально-экономические и экологические факторы, а также стратегии управления демографическим пространством.

В России тематика демографического пространства активно изучается в контексте регионального развития и социально-экономической политики. Российские ученые уделяют большое внимание специфике демографических процессов в различных регионах страны, включая миграционные потоки, рождаемость, смертность и возрастную структуру населения.

В работах П. Бурдые (2007), В. В. Фаузера, А. В. Смирнова, Г. Н. Фаузера (2021), А. Ф. Филиппова (2008, 2009) рассматриваются различные подходы к пониманию социального пространства в социологии [1–4]. Акцентируется внимание на особенностях социального пространства в контексте профессиональной мобильности. Статья М. Л. Белоножко, Г. И. Герасимовой, И. Е. Пинигина (2022) посвящена изучению теоретических аспектов управления развитием пространств и территорий [5].

Одна из наиболее изученных тем — миграция населения. В трудах В. В. Карпова, М. А. Бабичева (2023), С. В. Пономарева, Т. Н. Лубовой, Е. В. Конищева, Е. О. Плехановой (2024), Т. Н. Потапова (2023), О. Л. Рыбаковского, В. И. Самарухи, Т. Г. Красновой, Т. Н. Плотниковой (2018) рассматриваются внутренние и внешние миграционные потоки, их причины и последствия для регионального развития [6–10]. Авторы подчеркивают, что миграция играет ключевую роль в формировании демографического пространства и требует комплексного подхода к управлению.

Т. И. Грабельных, Н. А. Саблина, Е. В. Лесниковская (2022), А. А. Ищенко (2024), Т. В. Кабаева (2024), Е. Я. Пастухова, Т. А. Логунов (2024), М. С. Шейхова, С. Г. Сафонова (2024) изучают влияние на демографические процессы регионов соци-

ально-экономических факторов, таких как уровень доходов, занятость и доступность социальных услуг [11–15]. Их исследования показывают, что экономическая нестабильность и высокий уровень безработицы негативно сказываются на рождаемости и стимулируют миграционный отток.

Е. А. Антипова, Л. В. Фокеева (2009), А. Б. Берендеева, Н. С. Рычихина (2023), Х. Э. Таймасханов, Р. Х. Азиева, А. Р. Ахмедова (2022) анализируют эффективность различных стратегий управления демографическими процессами на региональном уровне [16–18]. Они предлагают комплексные меры, а именно: социальную поддержку семей, улучшение условий труда и привлечение высококвалифицированных специалистов в регионы с неблагоприятной демографической ситуацией.

Из анализа степени изученности темы управления демографическим пространством следует, что эта тематика актуальна, однако существуют определенные пробелы, связанные с недостаточной интеграцией данных и междисциплинарным подходом. Для более эффективного управления демографическими процессами необходимы комплексные и междисциплинарные исследования, учитывающие экономические, социальные, экологические и политические аспекты.

Материалы и методы

В статье используются следующие ключевые термины:

- социальное пространство региона — совокупность устойчивых и изменяющихся социальных отношений, институтов и практик, «размещенных» в пределах территории субъекта Российской Федерации (РФ) и задающих правила доступа к ресурсам и формам взаимодействия;
- демографическое пространство региона — подсистема социального пространства, в которой воспроизводство населения (естественное движение, брачно-семейное поведение, миграционная мобильность) институционально оформлено и поддается управленческому воздействию на региональном уровне;
- качество демографического пространства — интегральная характеристика условий, обеспечивающих реализацию демографических установок населения и результативность демографической политики; включает социальные, институциональные и управленческие компоненты;
- функциональные границы демографического пространства — формализованные рамки полномочий и ответственности органов власти (внутренние — в пределах компетенций демографической/семейной/миграционной политики; внешние — межведомственные и межрегиональные контуры взаимодействия);
- социальные границы демографического пространства — неформализованные рамки коммуникаций и социальных дистанций между субъектами (семьи, сообщества, диаспоры, мигранты и др.), определяющие интенсивность контактов и поведенческие стратегии;

- миграционный приток/отток — число прибывших/выбывших за год; миграционное сальдо — разность притока и оттока;
- естественное движение населения — рождаемость и смертность; естественный прирост/убыль — разность числа родившихся и умерших.

Исследование демографического пространства основывается на системном анализе проблемного поля, генерируемом функциональностью демографических подсистем. Это обуславливает постановку цели исследования, заключающейся в разработке теоретико-методологических основ демографического пространства в свете необходимости формирования эффективной демографической политики региона для обеспечения его устойчивого социально-экономического развития.

Уровень требований (людей) подвижен. Отсюда важное значение в оценке демографического пространства имеет управленческий аспект, отражающий возможности целенаправленного воздействия органов власти на демографические процессы. Он транслирует сильное влияние региональной политики, характеризуется параметрами трудовых ресурсов и уровнем жизни граждан. Этот аспект также обусловлен состоянием и структурой мобильности представителей сообществ, благодаря которой сами функциональные и социальные рамки демографического пространства становятся динамичными [19].

Процессы, создающие демографическое пространство, определяются набором социальных практик, социальных позиций (статусов и ролей) и социальных полей. Это позволяет конструировать конкретные субъектно-объектные взаимодействия, разрабатывать комбинаторику данных взаимоотношений в условиях и требованиях демографических трендов региона. Как определял П. Бурдьё, в иерархически организованном обществе не существует пространства, которое не было бы иерархизировано и не выражало бы иерархии и социальные дистанции [2]. В такие социальные позиции встраиваются вертикальные связи органов власти и населения, формируя деятельностный и ценностный аспекты демографического пространства.

Ценностное измерение демографического пространства обусловлено:

- 1) отношением к институту семьи;
- 2) собственным образом и стилем жизни;
- 3) требованиями к качеству своей жизнедеятельности и удовлетворением потребностей в профессиональной деятельности;
- 4) доверием к органам власти, отвечающим за демографическую политику в регионе и меры, обеспечивающие надлежащий уровень достижения качества демографического пространства.

Это формирует масштаб проблемной ситуации и многоаспектность исследования демографического пространства. С этой точки зрения, проблемное поле задается необходимостью предметной конкретизации демографического пространства для поддержания качества и устойчивости управленческих субъектно-объектных взаимодей-

ствий, учитывающих специфику демографических подсистем: экономику трудовых ресурсов, социальную экологию, генетику, этнографические процессы и т. д.

В статье будут обозначены только проблемные траектории, отражающие ключевые моменты организации демографических процессов. Отсюда гипотезу исследования следует сформулировать как предположение о связи между эффективностью проведения демографической политики и управления демографическим пространством в целях достижения устойчивости социально-экономических процессов в регионе. Структура гипотезы включает следующие частные положения: ухудшение параметров качества демографического пространства (доходы, занятость, доступность социальных услуг) ассоциировано с усилением естественной убыли и ростом миграционного оттока, прежде всего, трудоспособного населения; реализация программно-целевой модели управления демографическими процессами на региональном уровне способствует сокращению миграционных потерь населения и замедлению негативной демографической динамики; наиболее чувствительной к управленческим воздействиям компонентой демографического пространства является миграционная динамика, что объясняется большей краткосрочной реактивностью мобильности населения по сравнению с естественным движением.

Методологические рамки исследования опираются на принципы публичного управления и стратегического регионального развития, что позволяет рассматривать демографическое пространство как объект управленческого воздействия. Объектом исследования послужила Омская область, имеющая неблагоприятную характеристику в сфере демографического и особенно миграционного потенциала. Это отражается в обеспечении социально-экономической устойчивости региона и удержании баланса интересов органов власти, населения и субъектов хозяйствования.

Исследование носит смешанный характер, но определяющей становится необходимость формирования теоретической платформы, в рамках которой будет положено эмпирическое обоснование с применением документального и статистического методов.

Результаты и обсуждение

Демографическое пространство региона как вид социального пространства представляет собой социальную среду, формирующуюся на основе организации особых социальных отношений, социальных взаимосвязей, социального взаимодействия, которые осуществляются при реализации демографических процессов и имеют политико-правовое оформление. При этом демографическое пространство выступает объектом не только анализа, но и стратегического управления, и требует разработки адаптивных управленческих решений.

На объем и качество демографического пространства влияют:

- физико-географический фактор территории размещения;
- социальный и социокультурный факторы;

- факторы мобильности и миграции (отток и приток определенных категорий населения).

Стоит подчеркнуть, что характеристики демографического пространства несут активное начало, в том числе физико-географический фактор. Он подразумевает параметры изменения региональных границ, урбанизационные процессы, территориальную сегрегацию и т. д. Пространство квалифицируется не метрически, но прежде всего социально, и сориентировано на правила, права и возможности доступа [4]. Но физико-географический фактор определяется, в первую очередь, территорией региона, поскольку это отражает аспект управляемости со стороны региональных органов власти. Отсюда следует понимание, что для региона необходимо задавать первичные масштабы измерения территории.

Это обусловлено тем, что демографическое пространство, с одной стороны, определено необходимостью реальной практики его управления конкретными органами власти и поэтому, с точки зрения оптимальности распространения правил и правовых условий, имеет ярко выраженный региональный характер. Внимание именно к региональному территориальному аспекту обусловлено полномочиями этого уровня власти и его ответственностью за улучшение демографической ситуации как в целом в конкретном субъекте РФ, так и в его отдельных муниципальных образованиях.

Хоть социальное пространство не является пространством физическим, «но оно стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно» [2]. Демографическое пространство несет формальную географическую характеристику, что находит свое выражение в фактическом месте проживания населения и месте приложения органами власти организационно-управленческих усилий, исходя из потребностей и запросов общества. Эти географические аспекты должны быть синергетичны для достижения необходимого органам власти эффекта устойчивости управления демографической политикой.

С другой стороны, демографическое пространство социально по своей природе. Укрупненно субъектами демографического пространства являются:

- население;
- органы власти;
- организации инфраструктурного сопровождения демографических процессов, в том числе системы здравоохранения, образования, социальной поддержки и социальной защиты, национально-этнического характера и т. д.

Говоря о первой категории субъектов демографического пространства, стоит выделить его основные показатели: численность, плотность расселения, гетерогенность населения (гендер, возраст, семейное положение, национальность и т. д.).

Субъектные отношения, взаимосвязи и взаимодействия осуществляются в поле территории расселения и процессов мобильности населения, экономических коммуникаций трудовых ресурсов, человеческого капитала в рамках категорий гендерного и по-

ловозрастного, трудоспособного и воспроизводственного, национально-этнического статуса населения и т. д. Это определяет социальные и социокультурные факторы демографического пространства, обусловленные образом, качеством и уровнем жизни, уровнем культуры и степенью духовности общества на определенной территории. В анализе состояния демографического пространства необходимо учитывать и степень маргинализации и депривации общества с учетом динамики процесса урбанизации.

В свою очередь анализ социокультурного фактора включает поведенческие модели определенных представителей сообществ, уровень социокультурной динамики, индивидуальные и коллективные локусы демографического пространства, менталитет сообществ, миграционную и демографическую ситуации в регионе. То есть мы наблюдаем взаимосвязь с факторами мобильности, влияющими на подвижность, в первую очередь, численного состава населения, и во вторую — границ отдельных муниципальных образований региона. Отсюда очевидна проблема умирающих населенных пунктов и отсутствия демографического пространства в этих территориальных условиях. Сами поведенческие модели интенциональны, предметом воздействия служат как собственные демографические установки и комплексы, так и восприятие действий органов власти в рамках проводимой в регионе демографической политики.

Взаимодействие органов власти субъекта РФ в демографическом пространстве осуществляется с разными категориями акторов, которые определенным образом участвуют в управленческих практиках. В процесс вовлекаются устойчивые субъекты (многофункциональные центры, центры социальной защиты и поддержки населения и т. д.), ассоциированные с властными органами субъекты (социально ориентированные некоммерческие организации), спорадические субъекты (мигранты). Это формирует дифференциацию правил, прав, требований к участию в демографической политике, определение ролей и статусов, занимаемых в демографическом пространстве.

О факторах внешней мобильности и миграции населения, когда рамки региона размываются, и демографическое пространство в физическом смысле становится неизмеряемым, стоит говорить отдельно. Только внутрирегиональная мобильность членов сообщества вписывается в географические параметры региона, сохраняя общее количество определенных категорий населения, имеющих половозрастную, национально-этническую и другие характеристики.

Для иллюстрации устойчивости управления демографическими процессами в регионе стоит вводить в теоретическое поле понятие качества демографического пространства, которое отражает социальный порядок на территории и закладывает требования к управленческой реальности органов власти, достижению и сохранению устойчивости демографического развития, обеспечению социально-экономического благополучия региона.

Качество демографического пространства региона определяется социальными, институциональными и управленческими условиями, формирующими возможности

реализации демографической политики. Отдельно на качество демографического пространства и его формирование в границах региона влияют жизненные траектории ключевых субъектов, обусловленные их темпоральными характеристиками.

В своей совокупности это выстраивает композицию качества демографического пространства через оценку жизнеспособности и жизнеобеспечения территории, а также потенциала ее жизнедеятельности. Важной характеристикой композиции качества демографического пространства становятся региональные демографические процессы, представленные на примере Омской области в таблице 1 и на рисунке 1.

Таблица 1. Демографическая динамика населения Омской области в 2018–2023 гг. [составлено по: 20]
Table 1. Demographic dynamics of the population of the Omsk region in 2018–2023 [compiled based on: 20].

Год	Родившихся, чел.	Умерших, чел.	Миграционный приток, чел.	Миграционный отток, чел.
2018	21 230	24 812	54 605	66 707
2019	17 578	22 563	48 945	61 054
2020	17 800	29 833	40 901	51 274
2021	17 477	33 812	42 402	49 844
2022	16 092	25 900	39 199	48 893
2023	15 206	23 966	36 585	41 730

В 2018–2023 гг. в Омской области сохраняется устойчивая тенденция сокращения численности населения, обусловленная естественной убылью и отрицательным миграционным сальдо. До пандемии депопуляция была связана со снижением рождаемости и высокой смертностью. В 2021 г. вследствие COVID-19 произошел резкий рост смертности, что усилило естественную убыль. В 2022–2023 гг. смертность снизилась, однако не вернулась к допандемийному уровню. Миграционное сальдо остается отрицательным, хотя к 2023 г. его величина уменьшилась по сравнению с 2018–2019 гг.

В целом демографическая динамика региона определяется совокупным действием естественной убыли и миграционного оттока, при доминирующей роли первого фактора в 2020–2021 гг.

На рисунке 1 отражено, что в 2018–2019 гг. число браков оставалось относительно стабильным. В 2020 г. зафиксировано снижение брачности, что связано с ограничениями в период пандемии COVID-19. В 2021–2022 гг. наблюдается частичное восстановление показателей, однако к 2023 г. устойчивого роста не прослеживается, что отражает долгосрочную тенденцию снижения брачной активности. Динамика разводов менее резкая: показатель варьируется незначительно и в целом остается высоким. Соотношение браков и разводов указывает на сокращение разрыва между ними, что свидетельствует о нестабильности семейно-брачных отношений. В целом рисунок демонстрирует влияние пандемийного фактора на брачность и сохранение структурных демографических рисков, связанных с трансформацией института семьи.

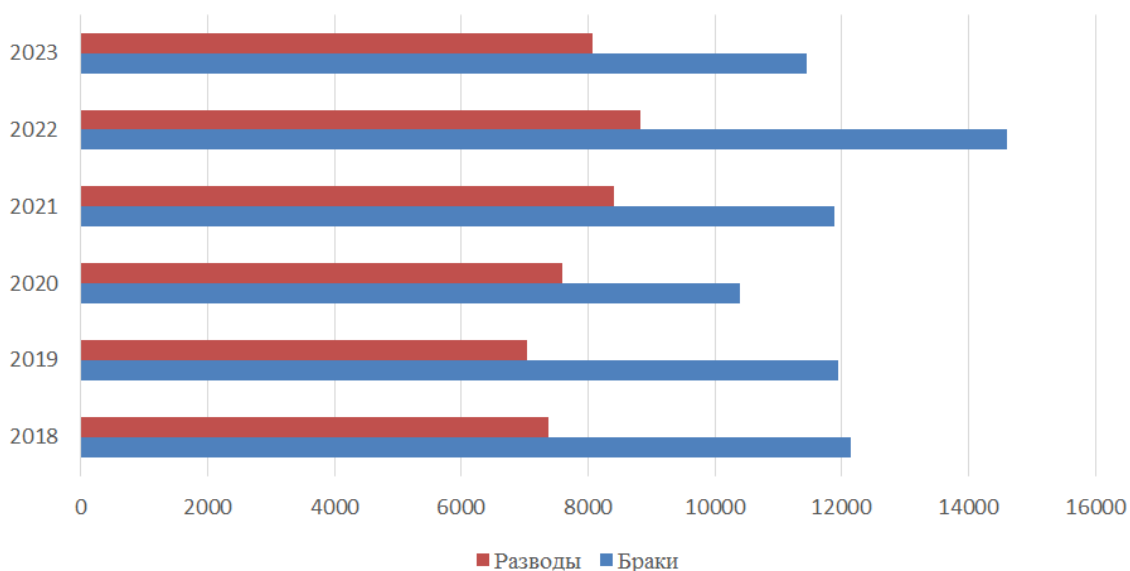

Рис. 1. Динамика браков и разводов в Омской области в 2018–2023 гг. [составлено по: 20]
Fig. 1. Dynamics of marriages and divorces in the Omsk region in 2018–2023 [compiled based on: 20].

Анализ жизнеобеспечения региона проводится в разрезе муниципальных образований региона и в целом по субъекту РФ, а также основных социальных групп населения [21]. В политические направления включены принятые в обществе стандарты качества жизни в направлениях оценки доходов, потребления и расходов граждан, денежных сбережений, накопленного имущества, условий труда, обеспеченности населения инфраструктурными объектами, состояния защиты социально уязвимых групп населения, уровня потребления непродовольственных товаров и т. п.

Аспект жизнедеятельности региона характеризуется через образ жизни его населения, включающий ценностные установки и особенности их реализации в повседневной социально-экономической практике.

Для понимания качества демографического пространства и направлений демографической политики целесообразно проводить мониторинг образа жизни в рамках основных социальных групп населения. Этот управленческий инструмент в значительной мере связан с исследованием уровня занятости населения, процессов обеспечения общественного порядка и личной безопасности, поддержания благоприятного социально-психологического климата в обществе, формирования у индивидов, в первую очередь молодежи, ценностных ориентаций, соответствующих общечеловеческим нравственным нормам и т. п. При этом одной из важнейших модальных составляющих выступает социальная напряженность в обществе, учет которой особенно важен в современном периоде политических и социально-экономических трансформаций.

На основании данных таблицы 2 можно сделать вывод, что во все годы рассматриваемого периода фиксируется устойчивое отрицательное миграционное сальдо. Наибольший отток наблюдается в 2019 г., в 2020 г. интенсивность миграции снизилась

из-за пандемии, однако уже в 2021–2022 гг. отрицательная динамика сохраняется. Основные миграционные потери приходится на трудоспособное население, что усиливает демографическое старение и снижает экономический потенциал региона. Таким образом, миграционный фактор остается одним из ключевых источников сокращения численности населения Омской области.

Таблица 2. Динамика миграционных потоков Омской области [составлено по: 22]

Table 2. Dynamics of migration flows in the Omsk region [compiled based on: 22].

Год	2022	2021	2020	2019
Прибывшие, чел.				
Моложе трудоспособного возраста	7 657	8 233	7 856	9 476
Трудоспособного возраста	26 549	28 482	28 282	33 746
Старше трудоспособного возраста	5 013	5 687	4 763	5 723
Убывшие, чел.				
Моложе трудоспособного возраста	9 125	9 789	9 509	11 856
Трудоспособного возраста	33 442	33 497	35 446	41 887
Старше трудоспособного возраста	6 346	67 57	6 319	7 311
Прибывшие, чел				
В возрасте 14 лет и старше	32 376	34 924	33 828	40 379
Убывшие, чел.				
В возрасте 14 лет и старше	40 800	41 212	4 2717	50 362

Существенным фактором формирования социальной напряженности в территориальном сообществе и влияния на качество демографического пространства становятся миграционные тренды (табл. 2). Их дисбаланс нельзя оценивать только с точки зрения количественной динамики (за период с 2016 по 2022 гг. численность населения Омской области сократилась на 140 618 чел. — с 1 972 682 до 1 832 064), поскольку в условиях рыночной экономики обязателен и качественный аспект.

С этой точки зрения необходимо понимать, что количественное и качественное состояние демографического пространства влияет на равновесие демографической системы региона, свидетельствует о состоянии эффективности проводимой региональной демографической политики и, как следствие, позволяет обеспечивать устойчивое социально-экономическое развитие всего региона. Это означает, что качество демографического пространства региона, с точки зрения достижения сбалансированного управления им, формируется в том числе на основе достижения целей устойчивого развития (ЦУР). Качественное состояние показывают отдельные национальные показатели, по которым ведется мониторинг именно по регионам и которые непосредственно влияют на демографическое положение субъекта РФ (табл. 3). Стоит отметить, что за рамками этой статьи остается достаточно большой комплекс показателей, косвенно влияющих на демографическое пространство: инфраструктурные, информационно-технологические, ресурсно-экологические и т. д.

Таблица 3. Соотношение национальных целей и показателей устойчивого развития, непосредственно характеризующих демографическое пространство субъекта РФ**Table 3.** Relationship between national goals and sustainable development indicators that characterize the demographic space of a constituent entity of the Russian Federation

Задача	Национальный показатель
<i>ЦУР 1. Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах</i>	
1.2. К 2030 г. по крайней мере наполовину сократить долю мужчин, женщин и детей всех возрастов, живущих в нищете во всех ее проявлениях, согласно национальным определениям	Индекс риска бедности и социальной исключенности (AROPE)
	Реальные денежные доходы населения, в процентах к предыдущему периоду
	Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности, %
1.3. Внедрить на национальном уровне надлежащие системы и меры социальной защиты для всех, включая установление минимальных уровней, и к 2030 г. достичь существенного охвата бедных и уязвимых слоев населения	Доля расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ на социальную поддержку отдельных категорий граждан к собственным доходам консолидированных бюджетов
<i>ЦУР 2. Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшения питания, содействие устойчивому развитию сельского хозяйства</i>	
2.1. К 2030 г. покончить с голодом и обеспечить всем, особенно малоимущим и уязвимым группам населения, включая младенцев, круглогодичный доступ к безопасной, питательной и достаточной пище	Доля домохозяйств, указавших при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду, %
<i>ЦУР 3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте</i>	
3.2. К 2030 г. положить конец предотвратимой смертности новорожденных и детей в возрасте до 5 лет, при этом все страны должны стремиться уменьшить неонатальную смертность до не более 12 случаев на 1 000 живорождений, а смертность в возрасте до пяти лет до не более 25 случаев на 1 000 живорождений	Коэффициент материнской смертности
	Смертность детей в возрасте 0–4 года на 1 000 родившихся живыми
	Младенческая смертность (на 1 тыс. родившихся живыми) (промилле)
3.4. К 2030 г. уменьшить на треть преждевременную смертность от неинфекционных заболеваний посредством профилактики и лечения и поддержания психического здоровья и благополучия	Доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом
	Ожидаемая продолжительность здоровой жизни
	Доля граждан, ведущих здоровый образ жизни
	Смертность населения в трудоспособном возрасте, на 100 тыс. населения
	Доля граждан, ежегодно проходящих профилактический медицинский осмотр и (или) диспансеризацию, в общей численности населения
	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет
	Коэффициент рождаемости среди подростков (в возрасте от 10 до 14 лет и в возрасте от 15 до 19 лет) на 1 000 женщин в соответствующей возрастной группе
	Доля населенных пунктов с числом жителей до 2 000 человек, населению которых доступна первичная медико-санитарная помощь по месту их проживания, в %
	Обеспеченность врачами на 10 000 человек населения

Продолжение таблицы 3

<i>ЦУР 5. Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек</i>	
5. Принимать и совершенствовать разумные стратегии и исполнимые законы в целях поощрения гендерного равенства и расширения прав и возможностей всех женщин и девочек на всех уровнях	Уровень занятости женщин, имеющих детей дошкольного возраста, %
<i>ЦУР 8. Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех</i>	
8.1. Поддерживать экономический рост на душу населения в соответствии с национальными условиями	Индекс физического объема валового регионального продукта на душу населения
8.5. К 2030 г. обеспечить полную и производительную занятость и достойную работу для всех женщин и мужчин, в том числе молодых людей и инвалидов, и равную оплату за труд равной ценности	Уровень реальной среднемесячной заработной платы (в % к предыдущему году)
	Уровень занятости в разбивке по полу, %
	Уровень занятости в разбивке по возрасту, %
	Совокупный показатель безработицы и потенциальной рабочей силы в разбивке по полу, %
<i>ЦУР 10. Сокращение неравенства внутри стран и между ними</i>	
10.1. К 2030 г. постепенно достичь и поддерживать рост доходов наименее обеспеченных 40 % населения на уровне, превышающем средний по стране	Индекс концентрации доходов (коэффициент Джини)
<i>ЦУР 11. Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов</i>	
11.1. К 2030 г. обеспечить всеобщий доступ к достаточному, безопасному и недорогому жилью и основным услугам и благоустроить трущобы	Доля домохозяйств, испытывающих стесненность при проживании, %
	Доля городов с благоприятной средой от общего количества городов (индекс качества городской среды — выше 50 процентов), %
	Количество граждан, расселенных из непригодного для проживания жилищного фонда
<i>ЦУР 17. Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития. Финансирование.</i>	
17.1. Усилить мобилизацию ресурсов из внутренних источников, в том числе благодаря международной поддержке развивающихся стран, с тем чтобы повысить национальные возможности по сбору налогов и других доходов	Валовой региональный продукт на душу населения
17.13. Повысить глобальную макроэкономическую стабильность, в том числе посредством координации политики и обеспечения последовательности политики	Индекс физического объема валового регионального продукта на душу населения

Таблица демонстрирует системную увязку демографического развития субъекта РФ с ЦУР и национальными показателями. Демографическое пространство региона раскрывается через три взаимосвязанных блока: социально-экономический (бедность, доходы, занятость, неравенство), медико-демографический (смертность, ожидаемая продолжительность жизни, материнская и младенческая смертность, доступность здравоохранения), инфраструктурно-территориальный (жилищные условия, качество городской среды, расселение аварийного жилья). Тем самым таблица подтверждает, что демографическая устойчивость региона определяется не только показателями рождаемости и смертности, но и уровнем социально-экономического развития, качеством среды проживания и институциональной поддержкой населения.

Динамика национальных показателей устойчивого развития обеспечит понимание траектории движения управленческих процессов в демографическом пространстве региона, осуществляемых органами власти. За этим стоит содержательность и направленность разрабатываемых проектов и мероприятий в демографической политике, учитывающая задачи и показатели устойчивого развития в среднесрочном и долгосрочном измерении.

В любом изменении (положительном или отрицательном) процессы естественной и миграционной динамики формируют состояние сужения или расширения демографического пространства в определенном временном измерении. Отсюда важными параметрами, которые требуется учитывать при формировании и мониторинге реализации демографической политики региона, становятся темпоральные характеристики миграционных процессов. Особенно когда регион презентует в долгосрочном горизонте своего развития неустойчивые тренды естественных и миграционных приростов/убыли.

Эффективность демографических процессов и темпоральные характеристики взаимодействия субъектов их управления становятся измеримы и сравнимы через категорию социального времени, которое одновременно является фактором развития демографического пространства, поскольку несет в себе творческий потенциал его управленческой трансформации.

Динамику, изменчивость и устойчивость демографического пространства региона формируют такие процессуальные и темпоральные характеристики, как последовательность и чередование мероприятий органов власти, социальный ритм и темп протекания, периодичность фаз, цикличность, продолжительность протекания демографических процессов, их протяженность в регионе, а также социальное поведение и социальная дистанция между субъектами демографического пространства.

Демографическая политика осуществляется во времени, любая субъектная деятельность определенным образом связана с другой деятельностью (функцией, действием, мероприятием, проектом) и не может быть абсолютно изолированной от других. Рефлексия социального времени возникает при появлении внутренней связи между фрагментами «раньше» и фрагментами «позже» внутри демографического процесса, что требует наблюдения со стороны органов власти, поскольку происходит переход из одного состояния демографической политики региона в другое. Этот переход носит нелинейный характер: изменяются внешние и внутренние условия проведения политики, увеличивается или уменьшается социальная напряженность, меняется вектор реализации политических мероприятий, усиливается или снижается процедурная сложность.

Такие изменения демографического пространства во времени связаны с социально-экономическими процессами, протекающими в регионе. Этот ракурс позволяет представлять пространственную проекцию региона в горизонтальном измерении, с фокусированием внимания на архитектуре демографического пространства, подразумевая построение информационно-коммуникативных потоков взаимодействия всех субъектов в разное время реализации демографической политики. Горизонтальная проекция структурно отображает схему изменения пространственных границ, процессы внутреннего взаимодействия всех субъектов с учетом локусов деятельности и жизнедеятельности, поведения, функций и полномочий. Это позволяет выявить включенность в данные процессы объектов социально-экономической инфраструктуры.

Социальное время демографической политики также формирует вертикальную проекцию и фиксирует качественно отличные друг от друга этапы пространственного состояния, отражая динамику регионального развития демографических состояний. Вертикальный темпоральный вектор отображает последовательность смены пространственных состояний в соответствии с естественным ходом событий и явлений, происходящих в ней, но с учетом внешних для регионов факторов влияния.

В этой связи следует говорить о границах пространственного измерения и их динамике. Ведь пространство представляет ограничение и ресурс действия [4]. Демографическое пространство обладает функциональными и социальными границами. Функциональные границы определяются функционалом, набором полномочий, зонами ответственности соответствующих органов власти региона. Соотносительно с административно-территориальными рамками конкретного региона следует выделять внутренние и внешние функциональные границы.

Функциональные границы по своей природе формализованы и обусловлены нормативно-правовым сопровождением федерального и регионального уровней. Внутренние функциональные границы демографического пространства задаются демографической, семейной и миграционной политикой региона, поэтому формируют зону деятельности и ответственности структурных подразделений региональных органов власти, реализующих функции управления в рамках этих политических направлений. Внешние функциональные границы позволяют расширять управленческие коммуникации административных субъектов, вводя в ареал взаимодействия представителей молодежной, социальной, экономической политики своего региона. Этот аспект задает комплексный подход к проблеме качественного содержания и объемного измерения демографического пространства конкретного субъекта РФ.

Изменение функциональных рамок связано с целесообразностью и потребностью взаимодействия органов власти одного региона с представителями властных структур другого субъекта РФ, характером зависимости одного вида деятельности (функции, действия, мероприятия, проекта) от других. Отсюда масштаб распространения внешних функциональных границ включает и выход на органы власти других регионов, что может быть отражено в межрегиональных программах, позволяющих усилить системное воздействие на демографические пространства двух и более регионов в случае фиксации у них универсального проблемного поля.

Демографическое пространство региона, имея административно-территориальное ограничение, абстрагировано от социальных рамок.

Социальные границы отвечают за коммуникативные связи отличных от административных субъектов, поэтому по своей природе являются неформализованными. Рамки социальных границ формируются как индивидуальными, так и коллективными взаимодействиями.

Такая коммуникативная практика создает соответствующие типы социального поведения субъектов и их социальную деятельность в пределах региона. Потребность индивида(-ов) в установлении партикулярных отношений в локусах демографического пространства свидетельствует о проявлении ценностно-ориентированных действий субъекта, которые он предпринимает на основе осознания реальных ситуаций.

Стратегии поведения населения в реальной практике демографических процессов обусловлены широкими возможностями выбора моделей поведения, основанных на личной системе ценностей и потребностей, интенсивности социопространственной мобильности, высоким уровнем социальной дифференциации и социокультурной гетерогенности. Это требует отдельного исследовательского внимания, вводя в проблемное поле вышеперечисленные системные факторы и гендерные и образовательные критерии.

Говоря о территориях и регионах, Э. Гоффман определял, что пространство разделяет и соединяет участников взаимодействия. Он делал акцент на меру (модус) внимания участников такого взаимодействия друг к другу и к окружающей действительности, подчеркивая множественность участников и множественность перспектив [23]. Такой ракурс формирует определенные правила поведения субъектов демографического пространства, многоаспектный характер связей и соотнесенность с объектной составляющей пространства.

Население в целом и отдельные индивиды могут воспринимать демографическое пространство с разных уровней социализации: регион и город как объективные конструкты, разные виды территориальных сообществ (соседство, диаспоры и т. д.) и семья как субъективные проекции. Это позволяет осуществлять информационно-энергетический обмен соответствующих субъектов с элементами окружающей среды (например, представителями разных сообществ, органами власти, учреждениями социальной сферы и т. д.) демографического пространства, что способствует усвоению обществом социальных норм и правил, взглядов, обычаев и стереотипов коллективного и индивидуального поведения, а также накопление знаний и опыта поведения при взаимодействии отдельных граждан с общественными и правовыми институтами, органами власти.

Выводы

Завершая краткое исследование, обусловленное необходимостью ввода в демографическую систему региона категории демографического пространства, стоит еще раз подчеркнуть структурную и поведенческую сложность субъектно-объектных отношений. Целесообразность определения демографического пространства в регионе органами власти позволяет формировать коммуникационные связи между акторами, которые генерируют демографические и миграционные ситуации и управляют ими. С одной стороны, население задает определенные стратегии и модели демографического поведения. С другой стороны, это требует от региональных органов власти формирования политических принципов и алгоритмов регулирования данных процессов в условиях обеспечения устойчивости как демографической системы, так и сбалансированного развития всего региона в целом. Ведь любые действия органов власти актуализируются в социальном поведении и жизнедеятельности территории.

Демографическое пространство следует рассматривать как стратегический объект регионального управления, эффективность которого определяется способностью органов власти прогнозировать демографические изменения и своевременно адаптировать управленческие решения.

С этой точки зрения, эффективность построения субъектно-объектных коммуникаций в демографическом пространстве задается не только постоянством официальных социальных практик, но и грамотным встраиванием всех сопричастных участников в пространственно-ориентированные мероприятия, разработкой проектов, позволяющих диагностировать и учитывать специфику отдельных категорий населения в заданных социально-экономических условиях. Ключевым аспектом здесь становится качество демографического пространства и его чувствительность к процессам устойчивого развития региона. Этот ракурс свидетельствует о том, что политика региональных органов власти в сфере самовоспроизводства населения и качества жизнедеятельности территории должна строиться с учетом показателей демографического пространства и национальных показателей устойчивого развития.

Пространственно-временные особенности региона влияют на характер и модели поведения населения, на взаимоотношения друг с другом, органами власти и учреждениями. Используя темпоральные характеристики и состояния функциональных и социальных границ демографического пространства, органы власти способны системно анализировать демографические тренды с точки зрения их влияния на социально-экономические процессы как внутри региона, так и за его пределами.

Вклад авторов

Киселева А. М.: планирование исследования; постановка целей и задач исследования; разработка методики исследования; проверка результатов исследования.

Гокова О. В.: сбор информации; анализ данных; теоретический анализ данных; научное редактирование; визуализация и представление данных; перевод статьи на английский язык; корреспонденция с журналом.

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Authors' contributions

Albina M. Kiseleva: study planning; the formulation of the aims and objectives; methodology; verification of results.

Olga V. Gokova: data collection; data analysis; theoretical data analysis; scientific editing; visualization and presentation of data; translation into English; correspondence with the journal.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The authors declare no conflicts of interest.

Список источников

1. Филиппов, А. Ф. Социология пространства / А. Ф. Филиппов. – Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8, № 3. – С. 3–30.
2. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые // Серия: Gallicinium. Пер. с фр. Н. А. Шматко. – Москва : Алетейя, Институт экспериментальной социологии, 2007. – 288 с. – Текст : непосредственный.
3. Фаузер, В. В. Демографическая оценка устойчивого развития малых и средних городов российского Севера / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Г. Н. Фаузер. – <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14>. – Текст : непосредственный // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, Вып. 2. – С. 552–569.

4. Филиппов, А. Ф. Социология пространства / А. Ф. Филиппов. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008. – 285 с. – Текст : непосредственный.
5. Белоножко, М. Л. Социально-экономические теории управления развитием территории / М. Л. Белоножко, Г. И. Герасимова, И. Е. Пинигин. – [https://doi.org/ 10.31660/1993-1824-2022-2-9-22](https://doi.org/10.31660/1993-1824-2022-2-9-22). – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 2. – С. 9–22.
6. Карпов, В. В. Отдельные вопросы межрегиональной миграции сибирских регионов: на примере Омской области / В. В. Карпов, М. А. Бабичев. – <https://doi.org/10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.21>. – Текст : непосредственный // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2023. – Т. 17. – № 2. – С. 208–217.
7. Пономарев, С. В. Анализ факторов миграции в период социально-экономической и политической нестабильности / С. В. Пономарев, Т. Н. Лубова, Е. В. Конищев, Е. О. Плеханова. – [https://doi.org/ 10.35266/2949-3455-2024-1-5](https://doi.org/10.35266/2949-3455-2024-1-5). – Текст : непосредственный // Вестник Сургутского государственного университета. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 51–63.
8. Потапов, Т. Н. Миграция населения как фактор демографической безопасности региона (на примере Волгоградской области) / Т. Н. Потапов. – <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.3.10>. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 3. – С. 74–80.
9. Рыбаковский, О. Л. Межрегиональная миграция населения (по материалам отечественной и зарубежной науки) / О. Л. Рыбаковский. – Текст : непосредственный // Социологические Исследования. – 2011. – № 4. – С. 34–44.
10. Самаруха, В. И. Миграционное движение населения регионов Сибири / В. И. Самаруха, Т. Г. Краснова, Т. Н. Плотнокова. – [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28\(1\).56-62](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28(1).56-62). – Текст : непосредственный // Известия Байкальского государственного университета. – 2018. – Т. 28. – № 8. – С. 56–62.
11. Грабельных, Т. И. Социально-демографические факторы общественного развития в условиях постглобальной реальности / Т. И. Грабельных, Н. А. Саблина, Е. В. Лесниковская. – [https://doi.org/ 10.29413/ABS.2022-7.2.8](https://doi.org/10.29413/ABS.2022-7.2.8). – Текст : непосредственный // Acta biomedica scientifica. – 2022. – № 7(2). – С. 72–82.
12. Ищенко, А. А. Демография как приоритет и интегральный показатель результативности стратегического планирования / А. А. Ищенко. – <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2024.1.69801>. – Текст : непосредственный // Административное и муниципальное право. – 2024. – № 1. – С. 118–130.
13. Кабаева, Т. В. Социально-демографическая динамика в Республике Мордовия / Т. В. Кабаева. – <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2024-1-148-152>. – Текст : непосредственный // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2024. – № 1 (13). – С. 148–152.
14. Пастухова, Е. Я. Демографический фактор экономического развития регионов Сибирского федерального округа России в 2005-2022 годах / Е. Я. Пастухова, Т. А. Логунов. – [https://doi.org/ 10.24412/1561-7785-2024-1-109-122](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-109-122). – Текст : непосредственный // Народонаселение. – 2024. – Т. 27, № 1. – С. 109–122.
15. Шейхова, М. С. Демографический кризис в современной России / М. С. Шейхова, С. Г. Сафонова. – [https://doi.org/ 10.55186/2413046X_2024_9_4_223](https://doi.org/10.55186/2413046X_2024_9_4_223). – Текст : непосредственный // Московский экономический журнал. – 2024. – № 4. – С. 609–625.
16. Антипова, Е. А. Демографическое пространство стран СНГ: структура и основные сдвиги / Е. А. Антипова, Л. В. Фокеева. – Текст : непосредственный // СНГ: проблемы, поиск, решения: Ежегодник. – Москва : Изд-во РУДН, 2009. – С. 193–206.
17. Берендеева, А. Б. Меры пространственного развития региона в преодолении негативных демографических и экономических тенденций / А. Б. Берендеева, Н. С. Рычихина. – [https://doi.org/ 10.6060/snt.20237402.0001](https://doi.org/10.6060/snt.20237402.0001). – Текст : непосредственный // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2023. – № 2 (74). – С. 6–18.

18. Таймасханов, Х. Э. Социально-демографическое развитие региона и государственный механизм его регулирования / Х. Э. Таймасханов, Р. Х. Азиева А. Р. Ахмедова. – [https://doi.org/ 10.24412/2304-6139-2022-48-1-309-313](https://doi.org/10.24412/2304-6139-2022-48-1-309-313). – Текст : непосредственный // Вестник Академии знаний. – 2022. – № 48 (1). – С. 309–313.
19. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – Москва : АСТ, 2021. – 384 с. – Текст : непосредственный.
20. Социально-экономическое положение Омской области. – Текст: электронный // 55.rosstat.gov.ru: сайт. – URL: https://55.rosstat.gov.ru/publication_collection/document/27263 (дата обращения: 22.12.2025).
21. Комплексное наблюдение условий жизни населения. – Текст: электронный // 55.rosstat.gov.ru: сайт. – URL: <https://55.rosstat.gov.ru/koug> (дата обращения: 18.12.2025).
22. Численность и миграция населения РФ. – Текст: электронный // rosstat.gov.ru: сайт. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 18.12.2025).
23. Goffman, E. (1963). Behavior in public places. Notes on the social organization of gatherings. New York: The Free press. –1963. – 248 p. – Text : direct.

References

1. Filippov, A. F. (2009). Sociology of space. Sociological Review, 8(3), pp. 3-30. (In Russ.).
2. Bourdieu, P. (2007). Sociology of social space / Series: Gallicinium. Translated from French by N. A. Shmatko. Moscow, Aletheia, Institute of Experimental Sociology Publ., 288 p. (In Russ.).
3. Fauzer, V. V., Smirnov, A. V., & Fauzer, G. N. (2021). Demographic assessment of sustainable development of small and medium-sized cities in the Russian North. Economy of regions, 17(2), pp. 552-569. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14>
4. Filippov, A. F. (2008). Sociology of Space. St. Petersburg, Vladimir Dal, Publ., 285 p. (In Russ.).
5. Belonozhko, M. L., Gerasimova, G. I., & Pinigin, I. E. (2022). Socio-economic theories of territorial development management. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (2), pp. 9-22. (In Russ.). <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2022-2-9-22>
6. Karpov, V. V., & Babichev, M. A. (2023). Selected issues of interregional migration of Siberian regions: on the example of the Omsk region. Science of man: humanitarian research, 17(2), pp. 208-217. (In Russ.). <https://doi.org/10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.21>
7. Ponomarev, S. V., Lubova, T. N., Konishchev, E. V., & Plekhanova, E. O. (2024). Analysis of migration factors during socio-economic and political instability. Bulletin of Surgut State University, 12(1), pp. 51-63. (In Russ.). <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2024-1-5>
8. Potapov, T. N. (2023). Population migration as a factor of demographic security of the region (on the example of Volgograd region). Theory and practice of social development, (3), pp. 74-80. (In Russ.). [https://doi.org/ 10.24158/tipor.2023.3.10](https://doi.org/10.24158/tipor.2023.3.10)
9. Rybakovsky, O. L. (2011). Interregional migration of the population (based on materials from domestic and foreign science). Sociological Research, (4), pp. 34-44. (In Russ.).
10. Samarukha, V. I., Krasnova, T. G., & Plotnikova, T. N. (2018). Migration movement of the population of Siberian regions. Bulletin of Baikal State University, 28(8), pp. 56-62. (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28\(1\).56-62](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28(1).56-62)
11. Grabelnykh, T. I., Sablina, N. A., & Lesnikovskaya, E. V. (2022). Socio-demographic factors of social development in the conditions of post-global reality // Acta biomedica scientifica, 7(2), pp. 72-82. (In Russ.). <https://doi.org/10.29413/ABS.2022-7.2.8>
12. Ishchenko, A. A. (2024). Demography as a priority and integral indicator of the effectiveness of strategic planning. Administrative and municipal law, (1), pp. 118-130. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2024.1.69801>

13. Kabaeva, T. V. (2024). Socio-demographic dynamics in the Republic of Mordovia. Telescope: journal of sociological and marketing research, 1(13), pp. 148-152. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2024-1-148-152>
14. Pastukhova, E. Ya., & Logunov, T. A. (2024). Demographic factor of economic development of the regions of the Siberian Federal District of Russia in 2005-2022. Population, 27(1), pp. 109-122. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-109-122>
15. Sheikova, M. S., & Safonova, S. G. (2024). Demographic crisis in modern Russia. Moscow Economic Journal, (4), pp. 609-625. (In Russ.). https://doi.org/10.55186/2413046X_2024_9_4_223
16. Antipova, E. A., & Fokeeva, L. V. (2009). Demographic space of the CIS countries: structure and main shifts // CIS: problems, search, solutions: Yearbook. Moscow, RUDN Publishing House Publ., pp. 193-206. (In Russ.).
17. Berendeeva, A. B., & Rychikhina, N. S. (2023). Measures of spatial development of the region in overcoming negative demographic and economic trends. Modern science-intensive technologies. Regional application, 2(74), pp. 6-18. (In Russ.). <https://doi.org/10.6060/snt.20237402.0001>
18. Taimaskhanov, H. E., Azieva, R. Kh., & Akhmedova, A. R. (2022). Socio-demographic development of the region and the state mechanism of its regulation. Bulletin of the Academy of Knowledge, 48(1), pp. 309-313. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2022-48-1-309-313>
19. Veblen, T. (2021). Theory of the Leisure Class. Moscow, AST Publ., 384 p. (In Russ.).
20. Socio-economic Situation of the Omsk Region. (In Russ.). Availabl at : https://55.rosstat.gov.ru/publication_collection/document/27263.
21. Comprehensive monitoring of living conditions of the population. Retrieved from. (In Russ.). Availabl at : <https://55.rosstat.gov.ru/koug>.
22. Population size and migration in the Russian Federation. Retrieved from. (In Russ.). Availabl at : <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>.
23. Goffman, E. (1963). Behavior in public places. Notes on the social organization of gatherings. New York. The Free press, 248 p. (In Eng.).

Информация об авторах / Information about the authors

Киселева Альбина Мусаевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами факультета экономики, психологии, менеджмента, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», albkis@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6999-2955>

Гокова Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами факультета экономики, психологии, менеджмента, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, gokovaov@omsu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9887-4181>

Albina M. Kiseleva, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Regional Economics and Human Resource Management, Faculty of Economics, Psychology and Management, Dostoevsky Omsk State University, e-mail: albkis@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6999-2955>

Olga V. Gokova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Regional Economics and Human Resource Management, Faculty of Economics, Psychology and Management, Dostoevsky Omsk State University, gokovaov@omsu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9887-4181>

Поступила в редакцию / Received 13.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 12.02.2026

Принята к публикации / Accepted 16.02.2026